

УДК 342.5+93

И. Ф. Фирсов

I. Firsov

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются вопросы создания органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в период окончания гражданской войны и окончательного установления власти большевиков в России. Автором на основе изучения архивных материалов анализируются проблемы становления советских органов охраны правопорядка в Тюменском регионе в 1919–1923 гг.

Ключевые слова: милиция, Советская власть, уездное управление милиции, Тюменская губерния, борьба с преступностью.

PROBLEMS OF SOVIET POLICE FORMING IN TYUMEN REGION

The article considers the questions of public safety and law enforcement agencies forming during the Civil War and the period of the Bolshevik regime establishing in Russia. The author analyzes the questions of public safety and law enforcement agencies forming in Tyumen region in 1919–1923 on the basis of studying the archive recordings.

Keywords: militia, the Soviet government, county police department, Tyumen Province, crime fighting.

Планомерное создание советских органов милиции в Тюменской губернии стало возможным после освобождения региона от колчаковских войск и проходило в чрезвычайно сложных условиях. Не хватало подготовленных, грамотных сотрудников, обмундирования, вооружения, канцелярских принадлежностей. Даже посылаемые в уездные подразделения инструкции состояли на строгом учете, при увольнении сотрудник обязан был сдать все имеющиеся у него циркуляры, указания, директивы для передачи вновь принятому. Для ликвидации правовой неграмотности каждого сотрудника необходимо было снабдить уголовно-процессуальным кодексом и другими нормативными актами советского права, но для этого не имелось материальных возможностей не только у уездных органов милиции, но и у губернского управления.

О том, в каких сложных условиях приходилось работать сотрудникам милиции, говорят следующие факты. В докладе в губернское управление милиции 21 декабря 1919 г. один из первых начальников Ишимской уездной милиции В. Бессонов указывал, что для ведения делопроизводства в управлении нет ни книг, ни канцелярских принадлежностей. В Ишиме отсутствовало электричество, и В. Бессонов просил губернское управление прислать ему свечей и керосина «сколько возможно», так как «горпродком и упродком в освещении отказывают» [8]. Кроме того, управление нуждалось в пишущей машинке, так как присылаемых из Главмилиции инструкций

на всех волостных милиционеров не хватало и их приходилось перепечатывать самостоятельно.

Сложной ситуацией в Ишимской уездной милиции был озабочен и ее новый начальник Тягунов, который в докладе на заседании уездного исполкома 5 ноября 1920 г. говорил о тяжелом положении с кадрами, о наличии среди милиционеров совершенно неграмотных, об отсутствии обмундирования, из-за чего 10 милиционеров были практически разуты и раздеты и не могли нести службу. Коллегия отдела управления уездного исполкома постановила «... для укрепления состава откомандировать в распоряжение милиции инструктора отдела тов. Писк, ... открыть прием женщин-милиционеров; просить укомпарт и наробраз об устройстве политических лекций; предложить тов. Тягунову использовать все средства и способы в скорейшем получении обмундирования, вооружения и снаряжения; указать отделу социального обеспечения оказать помощь семьям милиционеров, как красноармейцам тыла; предложить распределительному продкомитету отпустить милиции 1 пуд оберточной бумаги для напечатания инструкции райначальникам и волостным милиционерам» [7]. Вряд ли подобные решения могли существенно улучшить ситуацию в уездных органах милиции. Следует отметить, что плохое обеспечение канцелярскими принадлежностями еще долгое время тормозило развитие делопроизводства во всех уездных органах милиции. «Канцпринадлежностями органы милиции снабжены ниже

всякой критики, – отмечал начальник Тюменской уездной милиции Лебедев в октябре 1923 г., – вот уже два месяца аванс на приобретение канцелярских принадлежностей не отпускается» [3].

Не лучше обстояло дело с материальным обеспечением и в Тобольской милиции и угрозыске, о чем свидетельствуют материалы проверки, проведенной старшим инспектором губернского уголовного розыска Кузнецовым в ноябре 1921 г. в канцелярии уголовного розыска: «Электричество в городе горит до часу ночи, а с часу необходимо сидеть с лампой, а в угрозыске дежурство ведется целые сутки, и потому керосин необходим, но отпускается он крайне слабо. И то лишь только отпускает уездмилиция, а то пришлось бы закрыть с часу угрозыск. Керосина в городе много, но им распоряжается Главнефть во Владивостоке. Необходимо губрозыску исходатайствовать разрешение на выдачу» [24]. На 1921 – 1922 гг. коммунальным отделом Тобольского уездного военно-революционного комитета были установлены следующие нормы пользования электроэнергией: для управления уездной милиции были выделены 3 лампочки (16 свечей каждая), для политбюро – 7, для трех районных управлений городской милиции – по 6, для районных управлений уездной милиции – по 3 лампочки [27].

Наиболее наглядно материальные проблемы в деятельности милицйских подразделений этого периода отображены в докладе начальника Тобольской уездной милиции С. Седых: «Что касается работы уездных районов, то в таковых заметна слабость не только в строевой работе, но и в технической... Бывают случаи, что все сводки и другие сведения с почты получаются в управлении милиции сразу за несколько месяцев. Причина этому – невыдача аванса на почтовые расходы, так как отпускаемых кредитов даже одному управлению и то всегда не достает, поэтому районный начальник и дожидается попутчика с кем-либо отправить почту, при этом не имея абсолютно никаких средств передвижения. Нарядов нет, а кредиты отпускаются мизерные. Ввиду чего старшие милиционеры волости (участковые) в большинстве не инструктировались районными начальниками и были предоставлены сами себе. Единственным способом передвижения может служить лошадь при районе. Но нужно принять во внимание территориальность района, которая имеет самое меньше в диаметре 200–250 верст, и если ездить часто, то лошади через месяц не будет. Старший милиционер также не имеет средств передвижения и в большинстве пользуется подводами по-революционному. Старшие

милиционеры благодаря плохой связи всегда получают жалованье с опозданием, из чего можно заключить, что в этот период находятся на крестьянском иждивении. Поэтому милиционер чувствует себя обязанным и не может проявить широко своей инициативы только потому, чтобы не оставить семью голодом» [23].

Чрезвычайно плохо обстояло дело и со снабжением органов милиции обмундированием. Хотя еще в сентябре 1918 г. НКВД утвердил форму обмундирования милиции и постановил, что все сотрудники милиции при исполнении ими своих служебных обязанностей должны носить установленную форму или отличительный знак, на деле губернская милиция долгое время обмундирования не получала. В лучшем случае вместо него выдавалась ткань, вместо сапог и ботинок – кожа и подручные материалы. На заседании 30 марта 1921 г. президиум Тюменского губисполкома постановил выделить органам милиции 4 тысячи аршин мануфактуры, 500 пар чирок и 500 пар бродней [16]. За весь 1921 г. сотрудники губернской милиции получили 812 шинелей, 710 пар брюк, 638 гимнастеров, 367 пар сапог, 507 пар ботинок, 238 полушубков, 250 пар валенок, 778 шапок, 305 пар рукавиц, 100 телогреек, 200 дождевиков, 1076 пар нательного белья [11]. Если учесть, что штаты губернской милиции на конец 1920 г. составляли 1779 человек (174 человека командного состава и 1605 рядовых милиционеров), понятно, что полученного обмундирования рядовому составу не хватало. Несмотря на то, что по положению увольняющиеся со службы сотрудники милиции были обязаны возвратить все полученное обмундирование (так же, как и при получении нового обмундирования, милиционер должен был сдать изношенные вещи), фактически все сотрудники, прослужившие в милиции больше года, обмундирование не сдавали из-за его непригодности к дальнейшему использованию. Поэтому к началу 1922 г. по-прежнему лишь около 25% работников милиции были полностью обеспечены обмундированием. В одном из приказов по Тобольской уездной милиции говорилось, что у поступающего на службу милиционера имелись собственные сапоги, управление купило их у него за деньги и разрешило надевать только при несении службы. Владелец сапог обязался не носить их вне службы, чтобы не ускорять изнашивание и не уменьшить срок носки.

В июле 1923 г. работники Тюменской уездной милиции получили обмундирование – костюм, пару белья и пару сапог. Зимнее обмундирование выдано не было [1]. По свидетельству работавших

в те годы в Тюменской милиции ветеранов П.С. Мялова (г. Ишим) и В.В. Бойцова (г. Тобольск), форменное обмундирование сотрудникам милиции Тюменской губернии регулярно стали выдавать лишь с лета 1924 года, до этого времени большинство служащих милиции носили собственную одежду и обувь. Но и в последующие годы на всех сотрудников обмундирования не хватало. Например, в докладе начальника Ишимской уездной милиции от 14 декабря 1924 г. указывалось, что от сотрудников милиции нельзя ожидать успешной работы, так как зимой при выполнении своих обязанностей они обмораживаются и болеют из-за отсутствия теплого обмундирования и обуви.

В годы гражданской войны и первые годы НЭПа тюменская милиция ощущала хронический недостаток в оружии и боеприпасах. Личный состав был вооружен на 50–55% преимущественно винтовками старых образцов и различных систем. Револьверов не хватало даже для командного состава и работников уголовного розыска.

Деятельность органов губернской милиции чрезвычайно затрудняло и отсутствие средств на содержание конного состава, покупку седел и фуража. Например, конный состав Тюменской горюездмилиции в марте 1923 г. был укомплектован менее чем на 30%: в наличии имелось 22 лошади с 5 седлами вместо 69, положенных по штату. Приобрести же лошадей и конскую утварь было невозможно, так как для этих целей средств не отпускалось. В феврале 1923 г. Тюменскому уездному управлению милиции на покупку фуража для 25 лошадей уездным исполкомом было отпущено 1500 руб., этих средств не хватало, лошади оставались голодными, что напрямую отражалось и на работоспособности уездной милиции в целом. Если учесть, что в Тюменской губернии волостному милиционеру приходилось обслуживать огромные территории и работать в глухих местах, удаленных иной раз более чем на сотню верст от губернского и уездных центров, наличие или отсутствие средств передвижения и связи в течение длительного времени оставалось решающим фактором, влияющим на работоспособность уездных органов милиции. В сентябре 1920 г. начальник милиции 2-го района Ишимского уезда предлагал старшим волостным милиционерам самостоятельно решать проблему конного состава: «... взять пригультых [потерявшиеся лошади, хозяева которых не были найдены милицией – прим. автора] хороших лошадей, годных для верховой езды, по 1 лошади на каждую волость» [10]. Седла и уздечки предлагалось

приобрести на собственные деньги с тем условием, что позднее эти расходы будут возмещены. Очевидно, что подобные меры не приносили желаемого результата, и большинство волостных милиционеров по-прежнему не имели лошадей. Как писала газета «Трудовой набат» в августе 1923 г., «...они буквально пешком бегают по своей волости» [21].

Из-за неуккомплектованности конного состава, неудовлетворительного снабжения фуражом и недостатка средств на хозяйственные нужды связь уездных управлений с районными отделениями практически отсутствовала, из-за чего донесения и прочие оперативные материалы из районов в уездное управление вовремя не поступали. На командировки уездным управлениям отпускалось в целом по 300 руб. в месяц, в то время как в некоторых уездах на поездку только одного сотрудника в наиболее удаленный район требовалось не менее 400 рублей [4].

Не лучше обстояло дело и с продовольственным снабжением работников милиции: на основании распоряжения правительства суточный паек в 1921 г. был уменьшен с полутора до одного фунта, семьи милиционеров были сняты с государственного снабжения, что поставило милиционеров в весьма сложное положение. Ясно, что не имея других заработков, прожить с семьей из 4–5 человек на мизерном пайке было невозможно, такое положение неизбежно вело к падению дисциплины, текучести кадров, увеличению количества должностных правонарушений среди рядового и командного состава милиции. В докладе о деятельности милиции Ишимского уезда с 1 декабря 1921 г. по 1 января 1922 г. указывалось: «Отношение милиционеров к советской власти хорошее, но все-таки есть недовольство на власть, ввиду того, что паек выдается не красноармейский и не гражданский, всего 22 фунта, тогда как красноармейцы получают 1 п. 5 ф., в гражданских учреждениях еще больше. Жалованьем также не довольны – 25 тысяч руб. (в денежных знаках 1921 г. – прим. автора), которых не хватает уплатить хозяину за квартиру, а семейство живи, как знаешь, и некоторым семейным приходится бежать, дезертировать не от службы, а от голодного семейства» [9].

В 1922 г. оплата труда милиционеров оставалась чрезвычайно низкой, что видно из приведенных ниже данных: в Тюменском уезде в январе 1922 г. начальник района получал 42 рубля (денежными знаками 1922 г. – прим. автора), старший милиционер – 28 рублей, младший милиционер – 24 рубля 50 коп. в то время как рыночная цена муки составляла 150–200 руб. за пуд.

Зарплата милиционеров в первой половине 1922 г. по-прежнему оставалась ниже стоимости одного пуда муки в 3–4 раза [12]. До октября 1922 г. органы милиции состояли на государственном снабжении, затем были переведены на снабжение из местных бюджетов. В ноябре 1922 г. средняя ставка милиционера состояла из 1 пуда муки и 19 руб. деньгами [13]. В декабре 1922 г. оклад милиционера составлял 93 рубля, в январе 1923 г. – 120 рублей денежными знаками 1923 г. [2]

Усложнение задач правоохранительных органов в связи с развитием частнопроводных отношений и введением в жизнь уголовного и уголовно-процессуального кодексов потребовало привлечения в органы милиции высококвалифицированных работников. Для реализации этой задачи губернскому исполнительному комитету удалось в начале 1922 г. несмотря на недостаток средств, имеющихся в его распоряжении, изыскать для милиции материальные и денежные ресурсы. Органам милиции были предоставлены дополнительные средства на приобретение продовольствия и обмундирования. Губисполком на своих заседаниях неоднократно рассматривал вопросы, связанные с тяжелым положением тюменской милиции. Так, 3 января 1922 г. на заседании президиума Тюменского губисполкома было заслушано сообщение начальника губернского управления милиции о ситуации, сложившейся в органах милиции в связи с утвержденными Главмилицией мизерными окладами и пайками. Учитывая тяжелое положение, в котором оказалась губернская милиция, губисполком постановил поддержать ходатайство губмилиции перед центральными органами об увеличении денежного довольствия работникам правоохранительных органов [14]. Однако надежды на центр, видимо, не оправдались, т. к. в протоколе № 19 заседания президиума губисполкома от 2 марта 1922 г. читаем: «Поручить предгубисполкома т. Попову изыскать способы и средства для предоставления милиции 200 пудов хлеба ежемесячно» [15]. Но этого было явно недостаточно, и в протоколе следующего заседания от 9 марта 1922 г. говорилось: «Для милиции необходимо продовольствие в количестве 2020 п. хлеба на 4 месяца. Для поднятия работоспособности милиции и создания заинтересованности в работе нужно ввести отчисления в пользу милиции за раскрытие преступлений и правонарушений. Президиум губисполкома, считая настоящее положение милиции нетерпимым и долженствующим быть измененным, постановил: вопрос о предоставлении продовольствия милиции передать на рассмотрение фондовой комиссии,

предложив ей в течении 24 часов изыскать способы и возможности предоставления продовольствия. ...Признать необходимым предоставление 500 пар сапог милиции или кожевенного материала для пошивки их, предложив фондовой комиссии выяснить, какие хозяйственные органы могут дать это количество» [17].

Согласно постановлению президиума губисполкома отдел управления разработал проект документа, позволяющего предоставлять отчисления в пользу милиции за раскрываемость преступлений и пресечение правонарушений, а специально созданная комиссия рассмотрела его с точки зрения соответствия существующему законодательству. За раскрываемость краж в государственных, профессиональных и кооперативных органах было решено отчисления не производить. Отчисления за раскрываемость всех других краж поступали в бюджет и расходовались по распоряжению президиума губисполкома, при этом 50% поступающих отчислений передавались органам милиции [18].

Некоторые уездные исполкомы и отделы управления пытались самостоятельно решать финансовые проблемы уездных органов милиции. Так, в Тюменском уезде в 1922 г. были введены сборы за услуги, оказываемые органами отдела управления, милиции, ЗАГСами и т. д. Часть этих сборов шла в фонд местных средств губисполкома и милиции. Тобольский уездный исполком в июне 1922 г. издал постановление об отчислении уголовному розыску 10% от стоимости похищенного имущества, возвращенного владельцам в результате успешных действий сотрудников. Постановление действовало, однако, недолго – до установления губисполкомом порядка об отчислениях в пользу милиции за предотвращение правонарушений и раскрытие преступлений, о котором говорилось выше [19]. Березовский уездный исполком ввел в уезде единый денежный налог, 75% которого шло на усиление местного бюджета, что в числе прочего давало возможность относительно безболезненно содержать и сохранять работоспособность органов милиции.

Во второй половине 1922 г. Тюменский губернский исполком принял ряд дополнительных мер по социальному обеспечению работников правоохранительных органов. Так, с 31 июля 1922 г. по постановлению губисполкома сотрудники милиции и уголовного розыска были приравнены к работникам и служащим государственных учреждений и стали получать бесплатную медицинскую помощь (сюда входили амбулаторная помощь, отпуск лекарств и пр.) [20].

Летом 1922 г. население многих уездов и волостей губернии пережило небывалый голод, что не могло не отразиться на состоянии органов губернской милиции. В этих условиях деятельность милиции, сотрудники которой тоже голодали и не имели самого необходимого, была практически парализована.

Старший милиционер 3-го района Тобольской уездной милиции В. Самойлов, служивший в органах милиции более двух лет, 22 мая 1922 г. в заявлении с просьбой об увольнении его из органов милиции писал: «...Мое домашнее хозяйство пришло в совершенную разруху. На иждивении моем находятся мать 55 лет и бабушка 85 лет, совершенно слепая, и в настоящее время как матери, так и бабушке совершенно нечем питаться, помирают голодной смертью... поэтому прошу Вас не отказать в моей просьбе и уволить меня с занимаемой должности, из рядов Красной милиции» [25].

Еще труднее приходилось городским милиционерам, не имевшим никакого подсобного хозяйства. Милиционеры 1-го района Тобольской городской милиции 6 декабря 1922 г. сообщали своему непосредственному начальнику: «В настоящее время ... мы умираем от голода, приходится продавать последние свои кровные вещи, для того чтобы была возможность существовать. На нас возложена громадная ответственность и обязанности, которые милиционеры должны выполнять. Но уже декабрь, а жалования и продовольствия все нет и нет. Ежедневно поступают все новые и новые приказы. Мы работаем день и ночь не покладая рук, не считаясь ни с холодом, ни с голодом. Могут ли существовать служащие милиции, если они ничем не удовлетворяются? Советское правительство заинтересовано в том, чтобы наладить и восстановить этот разбитый аппарат, и чтобы он был на защите революции. Нужно одеть, обуть и накормить красных милиционеров. А в таких условиях, в каких находимся мы, нет возможности существовать. Просим удовлетворить нашу просьбу или же уволить» [26]. Заявление подписали 12 человек.

Мало что изменилось в материальном положении сотрудников тюменской милиции и в первой половине 1923 г. Их настроение было достаточно красноречиво выражено начальником Тюменской гороездной милиции Александром Меховых в марте 1923 г. в докладе о деятельности милиции с 1 ноября 1922 г. по 1 марта 1923 г., где он призывал руководство «...поставить милиционера в лучшие материальные условия и оценить его труд, как ценило капиталистическое правительство волостного полицейского урядника,

хотя последний и в сотню раз работал меньше чем милиционер». Ситуация, видимо, действительно была критической, и сотрудники милиции голодом и нищетой были доведены до крайности, если начальник милиции позволил себе такие весьма рискованные в то время сравнения. Не могут восприниматься равнодушно искренние слова Меховых, свидетельствующие о том, что рядовые милиционеры были доведены до крайней степени отчаяния: «Много писалось в газетах, приказах и циркулярах о положении милиции, но все это осталось гласом вопиющего в пустыне, так как материальное положение милиции по сравнению с прежним почти не улучшилось. На девяносто-сто рублей милиционер существовать не может, а если и может, тем более семейный, то это остается загадочным, и расшифровать эту загадочность очень трудно...» [6].

Газета «Трудовой набат» 12 апреля 1923 г. опубликовала заметку «За дезертирство», которая показывает, насколько тяжелым и безвыходным стало положение милиционеров к этому времени:

«Милиционер Филиппов, прослужив в рядах милиции более года, неоднократно просил его уволить от службы, но его почему-то не уволили. Между тем, не получая казенного обмундирования, сносив все, что имел, Филиппов уехал из Тюмени без разрешения, чтобы «подработать». Через полтора-два месяца Филиппов явился в милицию и был арестован как дезертир. В нарсуде его конвоир и бывший сослуживец показал, что положение Филиппова было безвыходное – одежду сносил, жалования не хватало на хлеб, увольнения не давали. Филиппов уехал подработать, чтобы приобрести себе одежду. Суд приговорил Филиппова условно к 1 году заключения».

Понятно, что такое отношение к работникам милиции делало службу в этих органах непопулярной, заставляло милиционеров совершать неправомерные действия.

Сотрудники милиции пытались самостоятельно найти выход из бедственного положения, в которое они были поставлены. Показательным в этом отношении является рапорт начальника Тюменской гороездной милиции А. Меховых, поданный им 15 марта 1923 г. в уездный исполнительный комитет. В нем Меховых не только описал тяжелое положение своих подчиненных, но и нашел реальные, по его мнению, пути повышения материального благосостояния сотрудников милиции с таким расчетом, чтобы оно не требовало дополнительных отчислений из бюджета.

Меховых предлагал предоставить право органам милиции производить 25-ти процентные отчисления со всех штрафов для поощрения работников милиции, выявивших или предотвративших правонарушение. Меховых считал, что при этом бюджет уездного исполкома имел бы значительно большие поступления от штрафных санкций: «...ведь нужно сознаться в том, что милиционер, пробыв на службе 16-20 часов каждые сутки, стремится быстрее добраться до квартиры, ...а потому забывает о работе, так как его желудок пустой, а сам он холодный и босой. Если бы милиционер знал, что ему будет выдаваться 25% штрафа, наложенного по составленному им протоколу, то он бы по окончании службы во время следования до квартиры обязательно по пути составил бы несколько протоколов, зная то, что он заработает. Если же вопрос ставить так, что милиционер и без того обязан это сделать, то ответ на это каждый милиционер найдет такой: он на службе находится 16-20 часов, следовательно, нет никакого юридического права спросить с него большего. ...Постановку шкурного вопроса вызывает сама жизнь, а именно 100 руб. жалования. ...Вот все те мотивы, на основании которых я ходатайствую об удовлетворении вышеизложенного и прошу при рассмотрении оставить в стороне то, что милиционер и без этого обязан работать, ибо он работал и работает, а через силу конь не скачет» [5]. Достаточно наивно выраженные предложения, однако, не

были лишены смысла, так как позволили бы осуществлять материальную поддержку наиболее активных сотрудников. Естественно, что при таком подходе должен был осуществляться и четкий контроль за административной деятельностью работников милиции во избежание злоупотреблений, вызванных соблазном, как выразился Меховых, за время следования домой составить как можно больше протоколов.

Материальное положение сотрудников органов милиции улучшилось лишь во второй половине 1923 г. На пленуме Тюменского горсовета в докладе о работе городской милиции ее начальник Вердеревский указывал: «В улучшении материального положения милиции сделано много. Милиционер получает ставку, приблизительно равную с младшим делопроизводителем учреждения. Милиция обута на 100%, остальное обмундирование будет на днях выдано» [22]. Весьма показательно, что Вердеревский, очевидно, считал достижением тот факт, что средняя зарплата милиционера сравнялась с зарплатой младшего делопроизводителя учреждения. Сравнение труда канцелярского работника и служащего милиции, который иногда находился на службе сутками, испытывал всевозможные лишения и часто рисковал жизнью, характеризует чрезвычайно низкую престижность службы в милиции и потребительское отношение к ней местных органов власти. К сожалению, следует отметить, что такое положение сохранялось еще долгие годы.

Примечания

1. ГАТО. – Ф. 149. – Оп. 4. – Д. 4. – Л. 102.
2. ГАТО. – Ф. 149. – Оп. 4. – Д. 4. – Л. 35-36.
3. ГАТО. – Ф. 149. – Оп. 4. – Д. 4. – Л. 102.
4. ГАТО. – Ф. 149. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 34.
5. ГАТО. – Ф. 149. – Оп. 4. – Д. 4. – Л. 44.
6. ГАТО. – Ф. 149. – Оп. 4. – Д. 4. – Л. 34.
7. ИФ ГАТО. – Ф. 135. – Ед. х. 23. – Л. 69.
8. ИФ ГАТО. – Ф. 18. – Ед. х. 5. – Д. 58. – Л. 27-б.
9. ИФ ГАТО. – Ф. 135. – Д. 23.
10. ИФ ГАТО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 92.
11. См.: Отчет Тюменского Губернского Исполнительного Комитета с 24 июня по 1 декабря 1921 г. 4-му Губернскому Съезду Советов.
12. См.: Отчет Тюменского Уездного Исполнительного Комитета за декабрь 1921 – октябрь 1922 г. 5-му Губернскому Съезду Советов.
13. Тюменский областной краеведческий музей (ТОКМ). – Оф. 13170/10. – С. 18–44.
14. ТОЦДНИ. – Ф. 1 – Оп. 1 – Д. 404. – Л. 1.
15. ТОЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 13-14.
16. ТОЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 50.
17. ТОЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 19-20.
18. ТОЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 41.

19. ТОЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 41.
20. ТОЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 83.
21. Трудовой набат. – 1923. – 15 августа.
22. Трудовой набат. – 1923. – 20 июня.
23. ТФ ГАТО. – Ф. 272. – Оп. 1. – Ед. х. 18. – Л. 15, 16.
24. ТФ ГАТО. – Ф. 272. – Оп. 1. – Ед. х. 17. – Л. 106.
25. ТФ ГАТО. – Ф. 273. – Оп. 1. – Ед. х. 3. – Л. 27.
26. ТФ ГАТО. – Ф. 273. – Оп. 1. – Ед. х. 7. – Л. 11.

ФИРСОВ Иван Федорович, доцент кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД, кандидат исторических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. E-mail: ivanfirsov1955@mail.ru

FIRSOV Ivan, Associate Professor, Chair of Philosophy, Foreign Languages and Liberal Arts Training of Law Enforcement Officers, Candidate of History, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. E-mail: ivanfirsov1955@mail.ru